Феофанов Александр Михайлович

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Статья раскрывает содержание понятия "образовательный уровень бюрократии" во второй половине XVIII - первой четверти XIX в. в Российской империи. В работе основное внимание автор обращает на степень образованности правящей верхушки (политической элиты) России: сенаторов, министров, членов Государственного совета и губернаторов. Сопоставление данных об образовании элиты с данными об образовании русской бюрократии в целом позволяют сделать вывод, что вплоть до середины XIX века представители высшей бюрократии не имели систематического образования, а в целом у российской элиты была слабо развита профессиональная специализация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 192-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

EXPOSITION OF RUINED MONUMENTAL PAINTING

Tat'yana Konstantinovna Fedorenko
Department of Russian Art
St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I. E. Repin
tatfedorenkonov@yandex.ru

The author covers the problems of ruined monumental painting exposition. Local museum funds have a large number of ruined mural painting fragments. This is quite often the only evidence of one or another phase of temple painting. The return of renewed compositions to original interiors allows getting the insight into ancient ensembles. The pre-required conservation of archaeological painting fragments is necessary in order to ensure the optimal conditions for their storage as well as digital photographic images are necessary for database creation.

Key words and phrases: fragments of frescoes; problems of exposition; ruined monumental painting.

УДК 316.344.32+323.396(47)

Статья раскрывает содержание понятия «образовательный уровень бюрократии» во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. в Российской империи. В работе основное внимание автор обращает на степень образованности правящей верхушки (политической элиты) России: сенаторов, министров, членов Государственного совета и губернаторов. Сопоставление данных об образовании элиты с данными об образовании русской бюрократии в целом позволяют сделать вывод, что вплоть до середины XIX века представители высшей бюрократии не имели систематического образования, а в целом у российской элиты была слабо развита профессиональная специализация.

Ключевые слова и фразы: образование; элита; бюрократия; университеты; дворянство; разночинцы.

Александр Михайлович Феофанов, к.и.н.
Кафедра истории России и архивоведения
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
aleksandr- feofanov@yandex.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА©

Очевидно, что образование является одной из важнейших социальных характеристик. Питирим Сорокин «показывает несомненную связь социального продвижения и образовательного механизма. Успешное прохождение образовательных “тестов” во многих обществах облегчало проникновение в его высшие слои, хотя исторические вариации этого процесса очень многообразны» [14, с. 85–86]. «Школа, даже самая демократичная, открытая каждому, – указывал Сорокин, – если она правильно выполняет свою задачу, является механизмом “аристократизации” и стратификации общества, а не “выравнивания” и “демократизации”» [13, с. 410].

П. А. Сорокин «рассматривает образование как один из механизмов социальной селекции, один из факторов формирования страт… Система образования выступает “фильтром”, пройдя через который люди либо поднимаются, либо опускаются по общественной лестнице. От устройства “фильтра” зависит, какие “человеческие частицы” останутся в верхних, а какие проскользнут в нижние слои, поскольку стандарты хорошего и плохого, желательного и нежелательного для общества ярче всего проявляются в организации образования. В этом смысле образование играет очень важную роль в формировании типических черт личности» [14, с. 87].

О. В. Крыштановская, руководитель Центра изучения элиты Института социологии РАН, определяет элиту как правящую группу общества, верхушку политического класса. «Будучи ценностно нейтральным, – пишет Ольга Викторовна, – *элита* является понятием, вычленяющим *функциональную группу*, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и вовсе бездарные, как образцы нравственности, так и жулики» [4, с. 73–74]. Таким образом, критерием, по которому люди относятся к элите, являются не их достоинства, а только власть. В данной статье речь будет идти также именно о властной элите.

Известно, что для высшей бюрократии Российской империи в дореформенное время был характерен относительно низкий уровень специализации, «своеобразный бюрократический дилетантизм», по выражению Н. П. Ерошкина [3, с. 101].

Но уже к середине XIX в., к эпохе Великих реформ появилось новое поколение «просвещенных бюрократов». Этот факт признан и зарубежными учеными: «возникновение нового типа чиновника в 1840–1850-е годы в результате реформы образования и быстрого развития министерской системы правления фиксируется многими исследователями и является уже аксиомой в американском россиеведении» [1, с. 9]. Каковы были причины этой перемены?

© Феофанов А. М., 2012

Макс Вебер выделял значение профессиональной подготовки как признак перехода от патримониальной к рациональной бюрократии. Он «отмечает также роль образовательной подготовки чиновников, уровень которой должен проверяться экзаменами или удостоверяться соответствующим дипломом, что в значительной мере определяет рациональный характер бюрократии. С точки зрения Вебера, специфическую рациональность придает бюрократии то, что она действует в соответствии с четко сформулированными правилами и обладает специальными знаниями, которые применяются ею в процессе управления» [6, с. 33].

«Петр Великий отменил прежние чины и привилегии российского дворянства… Чин присваивался лишь за службу на патримониально-бюрократической должности (гражданской или военной), а именно зависел от относительного положения данного лица в патримониально-бюрократической иерархии четырнадцати рангов… дворянство не обладало монополией на должности, для их занятия не требовалось обязательного владения земельной собственностью, но требовался – по крайней мере, теоретически – определенный уровень образования» [2, с. 77].

Ричард Уортман в работе «Властители и судии» пришел к выводу, что российскому государству не были нужны корпорации юристов, которые использовались западными монархами для консолидации власти и ущемления привилегий местных феодалов. В России преобладали военные интересы, и российское дворянство разделяло военный склад мышления. Поэтому, в отличие от Европы, в России не было ни мощной традиции юридического обучения, ни корпораций привилегированных судей, а российское дворянство, «в отличие от знати многих европейских государств, не имело ни феодальных прав, ни традиций службы в местных судебных институтах» [16, с. 477].

Следует отметить, что проблема была не только в нехватке специальных юридических знаний. В XVIII в. многие дворяне были попросту безграмотными. Общее положение резюмирует Ерошкин: «До начала XIX в. для чиновников в России не требовалось никакого образовательного ценза; гражданский правительственный аппарат был переполнен малограмотными служащими» [3, с. 101].

Тем не менее, стране требовались грамотные люди. Как отметил С. М. Троицкий, «проведение преобразований в России в конце XVII – первой четверти XVIII в. сопровождалось ростом государственного аппарата, что в свою очередь увеличило потребность в грамотных, хорошо знающих свое дело чиновниках. В начале XVIII в. в России не было учебных заведений, которые бы специально готовили людей для службы в государственных учреждениях. Все необходимые навыки и знания чиновники получали на практике» [15, с. 268].

Указ 9 февраля 1737 г., установивший порядок проведения смотров детей дворян, узаконил домашнее образование, что, с точки зрения Петра I, было бы равно побегу со службы. В 1748 г. «в связи с нехваткой образованных чиновников из числа дворян правительство Елизаветы Петровны издало специальный указ “Об обучении кадетов, склонных к статской службе, юриспруденции и арифметике и освобождении их от других занятий и военных экзерциций”» [8, с. 894]. Известно, что в юнкерской сенатской школе учился Н. Я. Свербеев, отец известного мемуариста Д. Н. Свербеева, а также сенатор, действительный тайный советник П. И. Новосильцев [12, с. 8]. Но успеха это начинание не имело. 15 декабря 1763 г. институт коллегии-юнкеров упразднили; дворян послали в Кадетский корпус, а разночинцев - в Московский университет.

Массовые источники об образовательном уровне чиновников есть только на середину XVIII в., и эти данные обработаны С. М. Троицким. На основе «сказок» чиновников (прототипов формулярных списков) 1754–1756 гг. известно, что получили образование в государственных учебных заведениях 396 человек или 19,31% чиновников 1–3 разряда (из них в гражданских учебных заведениях обучались 9,07%, военных – 8,97% духовных – 1,27%). Чиновники учились в школах коллегии-юнкеров, цифирных, гарнизонных и горнозаводских, в гимназии Академии наук, в немецких школах Москвы и Ревеля, иностранных университетах (чуть более одного процента) и были студентами при Коллегии иностранных дел. Получившие военное образование обучались в кадетском корпусе, Морской академии, математических, навигацких, инженерных и артиллерийских школах. Около 80% всех служащих государственного аппарата не имело специального образования [15, с. 275–284].

Низкий уровень образовательной подготовки объясняется, в частности, тем, что «преобладающее большинство дворян не готовилось быть чиновниками и не имели специального образования, а поступали на гражданскую службу уже после отставки с военной» [7, с. 451]. Так что, скорее всего, эта часть бюрократии имела специальное военное образование.

В данной статье анализируется образовательный уровень следующих представителей правящей верхушки (политической элиты) России: сенаторов, министров, членов Государственного совета и губернаторов.

Анализ «Русского биографического словаря» и адрес-календарей дает следующую картину. Из 20 сенаторов на начало царствования Екатерины II (по данным адрес-календаря на 1765 г.) данные об образовании имеются у 11 человек. Четверо получили военное образование, двое окончили Сухопутный шляхетский корпус и двое – морские учебные заведения. В. Е. Адодуров учился в Академическом университете, за границей учились два сенатора и трое воспитывались дома. П. С. Салтыков, был отправлен Петром Великим во Францию для обучения морскому делу. «Он пробыл около двадцати лет во Франции: но, не имея никакого расположения к морской службе, воротясь в Россию, был пожалован действительным камергером и генерал-майором» [10, с. 105]. А. П. Бестужев-Рюмин в 1708 г. в Копенгагене поступил в «датскую шляхетную академию». В 1710 г. продолжил занятия в Высшем коллегиуме в Берлине. Он «оказал особые успехи в изучении языков латинского, французского и немецкого, а также общеобразовательных наук, а по окончании учебного курса совершил путешествие по Европе» [9, с. 770]. П. Г. Чернышев с 1728 г. служил в Коллегии

иностранных дел, был отправлен на Суассонский конгресс (1728–1729 гг.) «для изучения политических дел» [11, с. 327], а значит, имел некоторый практический опыт, по всей видимости, знал иностранные языки.

Можно предположить с большой степенью вероятности, что те сенаторы, у которых отсутствуют данные об образовании, воспитывались дома. Таким образом, более половины (а скорее, две трети) из них не имели регулярного образования.

Из 52 сенаторов конца царствования Екатерины II (по данным адрес-календаря на 1796 г.) данные об образовании имеются у 21 человека. В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе учились 5 сенаторов. Сенатор М. М. Жуков был выпускником Артиллерийской школы, Г. Р. Державин – воспитанником Казанской гимназии. А. И. Воронцов, как указано в «Словаре русских писателей **XVIII века**», возможно, учился в Московском университете [5, с. 178]. В Европе получили образование 8 человек. Будущие сенаторы слушали лекции Страсбургского, Лейденского, Берлинского и Геттингенского университетов.

У пятерых указано, что они воспитывались дома, по обычаю того времени. Ф. А. Остерман получил домашнее, но довольно основательное образование. «До тринадцатилетнего возраста, – указывает Виталий Двораковский, – его учителем был молодой Г. В. Рихман, впоследствии известный физик, академик, соратник Ломоносова» [19].

Видно, что за время правления Екатерины II процент сенаторов, получивших образование за границей, явно вырос, превышая даже число учившихся в кадетских корпусах. Тем не менее, общий образовательный уровень высшей бюрократии оставался достаточно низким.

Насколько была образована политическая элита первой четверти XIX века? Из 135 сенаторов конца царствования Александра I (1823–1825 гг.) в «Русском биографическом словаре» данные об образовании указаны у 72 человек. Военные учебные заведения окончили 19 сенаторов. Из них семеро учились в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, восемь – в Морском кадетском, трое - в Артиллерийском и инженерном, и один, П. В. Чичагов, после непродолжительного обучения в Морском корпусе, продолжил свое образование в Петришуле.

Пажеский корпус окончил лишь один Е. А. Дурасов. Еще один сенатор окончил Горное училище в Санкт-Петербурге. И. М. Муравьев-Апостол обучался математике и языкам в пансионе Л. Эйлера (Санкт-Петербург).

17 человек учились в Европе. В Московском университете учились А. Ф. Малиновский и В. И. Болгарский. Семь из числа сенаторов учились в Благородном пансионе. Итого мы видим девять воспитанников Московского университета, что в два раза меньше числа сенаторов, получивших образование в европейских университетах. У остальных 25 человек указано домашнее обучение. 47 (то есть чуть более трети от общего числа) получили систематическое образование.

Общее число министров и членов Государственного совета Александровского царствования (с 1801 по 1825 гг.) составляло 50 человек [17; 18]. 21 из них получил лишь домашнее образование. В кадетских корпусах учились семь человек, из них двое - в сухопутном, столько же - в Артиллерийском и трое – в Морском. За границей учились 12 человек. А. Д. Балашев окончил Пажеский корпус, А. И. Васильев учился в юнкерской школе Сената, Ф. В. Остен-Сакен – в Дерпской школе, М. М. Философов – в частном пансионе. П. В. Завадовский и А. А. Безбородко окончили Киевскую духовную академию, М. М. Сперанский – Александро-Невскую духовную семинарию.

Двое членов Государственного совета учились в Московском университете, кроме того, в пансионе профессора Московского университета И. М. Шадена учился И. И. Дмитриев. Д. П. Трощинский, судя по данным формулярного списка, умел лишь читать и писать по-русски. Правда, уже будучи в отставке, зимой 1800–1801 гг. он слушал лекции в Московском университете (в возрасте 50 лет).

Подводя итоги, следует отметить, что постепенно изменяется отношение общества к получению образования, происходит осознание важности просвещения, но достаточно медленно. Если Петр I заставлял дворян получать знания, рассматривая обучение как государственную службу, то в период дворцовых переворотов настало некоторое «расслабление» благородного сословия, которое, получив возможность не служить, также не желает и образовывать себя в государственных учебных заведениях, а предпочитает домашнее воспитание. Век Просвещения порождает моду на европейскую культуру и учебу за границей, но далеко не все (даже дворяне) в состоянии себе это позволить. Тем не менее, число людей, получивших высшее университетское образование за границей или в России, понемногу растет. А люди, вкусившие плоды науки, по-другому смотрят на ценность образования, стараясь, чтобы и их дети получили его. Так происходит культурно-духовное воспроизводство верхнего слоя общества.

И если для высшей бюрократии в екатерининское царствование после домашнего образования на первом месте по популярности стояло обучение за границей, а затем шли военно-учебные заведения, то уже в первой четверти XIX в. произошел перелом: количество людей, получивших образование в российских университетах, стало сравнимым с числом обучавшихся на Западе и в кадетских корпусах.

Впрочем, число людей, получивших регулярное, «правильное» образование, даже среди политической элиты было невелико. При всех погрешностях подсчетов, связанных с недостатками источниковой базы, можно утверждать, что более половины, а вполне вероятно, что и две трети высшей администрации России второй половины XVIII – первой четверти XIX в. (министры, члены Государственного совета, сенаторы, губернаторы) не имели систематического образования.

Список литературы

1. **Большакова О. В.** Бюрократия и великие реформы в России (1860–70 гг.): современная американская историография. М., 1996.
2. **Вебер М.** Царский патримониализм // Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород, 1997.
3. **Ерошкин Н. П.** Российское самодержавие. М., 2006.
4. **Крыштановская О. В.** Анатомия российской элиты. М., 2005.
5. **Лаппо-Данилевский К. Ю.** Воронцов // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.
6. **Масловский М. В.** Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород, 1997.
7. **Писарькова Л. Ф.** Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007.
8. **Полное собрание законов Российской империи** (ПСЗРИ). СПб., 1830. Собрание I. Т. XII. № 9532.
9. **Русский биографический словарь.** СПб., 1900. Т. 2.
10. **Русский биографический словарь.** СПб., 1904. Т. 18.
11. **Русский биографический словарь.** СПб., 1905. Т. 22.
12. **Свербеев Д. Н.** Записки (1799–1826 гг.): в 2-х т. М., 1899.
13. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
14. **Сохраняева Т. В.** Образование как фактор культурной динамики (опыт прочтения Питирима Сорокина) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1998. № 6.
15. **Троицкий С. М.** Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.
16. **Уортман Р. С.** Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
17. **Шилов Д. Н.** Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 гг.: биобиблиографический справочник. СПб., 2002.
18. **Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.** Члены Государственного совета Российской империи, 1801–1906 гг.: биобиблиографический справочник. СПб., 2007.
19. **http://ostermanniana.ru/fedor/mainF.html**

EDUCATIONAL LEVEL OF RUSSIAN ELITE OF THE SECOND HALF OF THE XVIIITH – THE FIRST QUARTER OF THE XIXTH CENTURY

Aleksandr Mikhailovich Feofanov, Ph. D. in History
Department of Russian History and Archival Science
Orthodox St. Tikhon Classical University
aleksandr-feofanov@yandex.ru

The author reveals the content of the notion “educational level of bureaucracy” in the Russian Empire in the second half of the XVIIIth - the first quarter of the XIXth century, and pays special attention to the education degree of the ruling top (political elite) of Russia: senators, ministers, State Council members and governors. The comparison of the data about elite’s education with the data about the education of Russian bureaucracy as a whole allows making the conclusion that till the middle of the XIXth century the representatives of higher bureaucracy didn’t have systematic education and the Russian elite as a whole had weakly developed professional specialization.

Key words and phrases: education; elite; bureaucracy; universities; nobility; commons.

УДК 338.43(470)(09)

В статье рассматривается эффективность деятельности сельскохозяйственных научно-исследовательских организаций и учреждений в Уральском регионе в период социалистического переустройства аграрного сектора экономики. На основе впервые введенных в научный оборот архивных и статистических данных автор исследует как положительные, так и отрицательные моменты работы в области повышения урожайности, применения более эффективных удобрений, селекционирования, рационального использования земли.

Ключевые слова и фразы: модернизация; опытная станция; научно-исследовательский институт; урожайность; сортоучастки; испытание сортов.

Владимир Викторович Филатов, д.и.н., доцент
Кафедра истории и социологии
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
v.philatov@mail.ru

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА УРАЛЕ В 1930-Е ГОДЫ©

Важным фактором модернизации земледелия в Уральском регионе в годы первых пятилеток являлись научно-исследовательская и опытная работы. Выведение новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных

© Филатов В. В., 2012